

Жизнь — это фильмы и время без фильмов

ПЕРСОНА

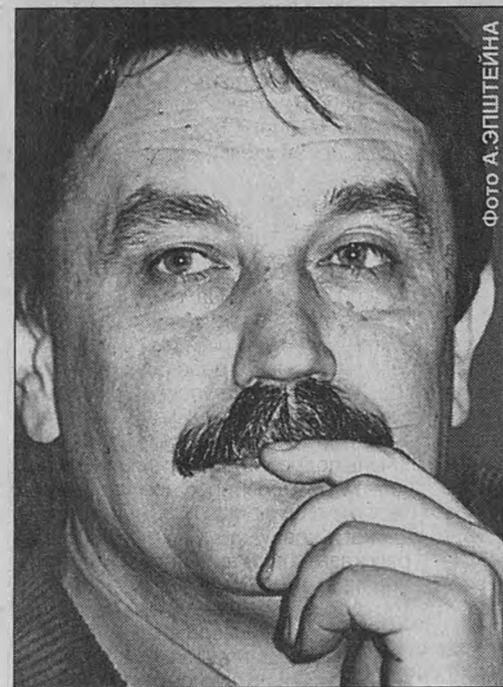

Фото А. ЭПШТЕЙНА

Абдрашитов Вадим Юсупович — народный артист России, лауреат Госпремий. Снял фильмы: "Слово для защиты", "Поворот", "Охота на лис", "Парад планет", "Армавир", "Плюмбум, или Опасная игра", "Остановился поезд", "Слуга", "Пьеса для пассажира". Только что закончил "Время танцора". Вадим Абдрашитов снимает всегда о том, что его волнует, пытается ответить на вопросы, которые ставят жизнь, разрушает стереотипы. Это и есть авторская позиция.

О критическом состоянии кинематографа говорится много. Как вы думаете, Вадим Юсупович, каковы перспективы кинематографа в нашей стране?

— Если государство поймет-таки свою ответственность за сохранение культуры страны и заработает Закон о кино, уже прошедший Думу, Совет Федерации, подписанный Президентом, тогда наше кино сможет возродиться. Не мы первые и не мы последние переживаем такого рода кризис. Задача состоит в том, чтобы привлечь в киноиндустрию инвесторов.

Стоимость фильмов будет возрастать и дальше. И тогда произойдет следующая вещь. Впрочем, это в мире уже было — в Италии, Франции, Америке. Появятся студии, соберутся люди, которые будут работать на простой аппаратуре, на обычной пленке, с неизвестными актерами, с минимальными гонорарами, в реальных интерьерах, на реальных улицах и площадях. Этот процесс будет плодотворен, если произойдет демократизация кино. Зритель вернется в зал, когда увидит на экране себя... Тогда появится так называемый нео-реализм, как когда-то в Италии. Но главное — рождение новой художественной идеи.

Но именно сейчас возникла другая угроза: гибель флага кино — "Мосфильма". Если Президент своей подписью лишит "Мосфильм" его фильмофонда — студия умрет. Десять лет без помощи государства киностудия продержалась за счет своих фильмов — сохранила стены, крышу и людей. Самое тяжелое — позади. А сегодня жаждущие заполучить фильмофонд фактически в свое подчинение — главные компании телевидения, подталкивают Президента и правительство совершить роковую ошибку. На руководство "Мосфильма" выливаются потоки грязи, общественность дезинформирована. Остается надеяться хоть на какой-то здравый смысл правительства.

— Сегодня должен снимать тот, кто имеет на это право?

— Совершенно не так. "Имеет право снимать" — достаточно лукавая формулировка. Существует в Госкино общественное жюри. Оно, собственно, и решает, какой фильм снимать, а на какой не давать денег. Случилось так, что сценарий Миндадзе "Время танцора" на конкурсе стал победителем. В условия конкурса входило, что три победивших сценария будут финансировать государство. Так и получилось. Сегодня найти спонсора тяжело. Кинобизнес оказался делом крайне сложным, да и прокат придется восстанавливать. Потому что закон о кино обязан заработать. К счастью, независимый благотворительный фонд "Триумф" помогал нашей новой картине в самые тяжелые минуты, за что мы ему признательны.

— Ходят слухи, что сметная стоимость вашей картины составляет пять миллионов долларов.

— Это слухи. Сметная стоимость — два миллиона, а это небольшие деньги по нынешним расценкам в кинематографе. Кстати, мы еще со всеми долгами по картине не рассчитались. Фильм мог быть дешевле, если бы не постоянные чп, преследовавшие картину. Однако могу сказать, что в других руках этот проект

вздрожал бы, а у меня работала очень опытная группа.

— В том, какие фильмы снимает человек, есть отчасти ответ на вопрос, какова его жизненная философия. В чем наиважнейший для вас смысл картины "Время танцора"?

— Это наша десятая картина с драматургом Александром Миндадзе. Фильм "Время танцора" — мелодрама, действие которой происходит в наши дни. Только что кончилась война, какая именно — не имеет значения. Трое друзей из небольшого российского городка остаются жить на земле, на которой двое из них воевали. Их третий друг, Андрей, на войну опоздал. Он приехал к товарищам с казачьим ансамблем песни и пляски. Телевизионный мастер в казачьей форме, лихой всадник, обладающий даром любви, всепрощения и верности.

Это народная драма о войне, где нет победителей.

Эта картина о бездомных людях. Дома-то стоят, жилища есть. Нет Дома с большой буквы, он разрушен, и в душах нет Дома. И люди — симпатичные, хорошие — пытаются как-то наладить эту жизнь. А страдают, как всегда и больше всего, конечно, женщины. Им бы жизнь продолжать, да мужчины все что-то разрушают вокруг...

— А почему именно "Время танцора"?

— Ну во-первых, одна из сюжетных линий — история танцора, который все пляшет, все на коне скачет, остановиться не может, время такое. "Танцуют все!" Это не карнавал даже, а балаган. Ряженых много. Кто в дворян рядится, кто в слуг народа, а наши герои в казаков заигрались. Не имея ничего общего с настоящими казаками, с удовольствием форму надели, на коней сели, шашки нацепили. Как герои "Парада планет" когда-то военную форму на сборах надели, так и сегодняшние герои "парада планет" себе устроили. Все бы ничего, да там-то игра была, а здесь призваны под ружье были и на войну попали.

— Почему вы работаете только с современным материалом? Мне кажется, что вы должны любить Достоевского, русскую классику, где важен не только сюжет, а проникновение во внутреннюю драматургию, движение души.

— Достоевского я люблю очень. Такая концентрация пространства, которой добивается Достоевский в романах, — это высокая режиссура. Он очень далеко заглянул в даль и еще тогда понял Россию. Что касается современного материала, то он тоже должен иметь внутреннюю драматургию. Я снимаю о жизни людей, о которой я знаю. Творчество Миндадзе — в русле традиций русской литературы. Это и

привлекает меня в сценариях моего соавтора.

— Бывали ли у вас поражения? Или вы по жизни везучий человек и крепко стоите на ногах. Чувствуете ли вы себя победителем?

— Наверное, крепко. Растерянность была, да даже не растерянность, а сомнения, бесконечные сомнения творческого порядка. Только они. Я прочувствовал относительность всех наград и всех побед. Со "Слугой" мы были на Берлинском фестивале, этот фильм вообще не поняли, хотя мы получили два приза... С годами я начинаю думать, что, может быть, вообще отечественное кино, как и вся русская литература, занималось не совсем своим делом. Кино должно развлекать, как это происходит во всем западном мире, а русская литература и в основном все отечественное кино решали проблемы в русской традиции. Что делать, кто есть кто, как жить и кто виноват...

— Вы недавно вернулись из Вашингтона. Какова цель вашей поездки?

— В Вашингтоне был первый публичный показ фильма "Время танцора" в рамках Недели российского кино. Принимали очень хорошо, с большим интересом. На одном сеансе были дипломатический корпус, послы, приглашена американская элита. Несмотря на то, что картина изобилует реальными приметами жизни, которые знаем только мы, живущие в этой стране, все-таки макросюжет картины доходит до людей, далеких от этих реалий. Картину пригласили на разные смотры, недели, фестивали.

— Говорят, что вы приглашаете молодых актеров, вливаете их свежую кровь в картину, а потом они больше никогда не появляются. Теряете интерес?

— Я не так часто брал новых актеров. Во "Времени танцора" действительно много молодых. Материал сценария таков, что и возраст, да и по идейным соображениям, в картине должны быть новые, свежие лица на экране. Этим актеров мы очень долго искали и проводили тщательные пробы. Рад, что дебюты эти удались. Но это уже другая генерация людей, другое устройство психики. Если есть талант, мы говорим на одном языке, но они говорят, я бы сказал, с легким акцентом.

— Ну, а теперь несколько личных вопросов. Что для вас семья?

— Потребительски говоря, это — тыл. Хорошо, когда он надежен. У меня жена профессиональный художник — Нателла Тоидзе, поэтому творчество, работа — это общая атмосфера дома. Хотя, когда рядом живут два творческих человека, это непросто. Если бы я был богатым человеком, то снял бы с жены огромный груз бытовых забот. У меня двое детей.

Сыну 24 года, он — физик, дочери — семнадцать лет, она — художница, студентка РАТИ.

— Помните ли вы себя мальчиком?

— Очень хорошо помню. Отец у меня — кадровый офицер. Как и всякая армейская семья, мы исколесили всю страну. Только я зачислялся в школу, так сразу из нее и вычислялся. Я жил и на Сахалине, и на Камчатке, и во Владивостоке, и в Москве, и в Ленинграде, и в Сибири, на Украине и в Казахстане. Надеюсь, что это пошло мне на пользу. Я был неразборчив. Очень хорошо учился в школе. Мне было скучновато даже. Дело закончилось тем, что в шестнадцать лет, параллельно занимаясь при театре-студии Тюзя в Алма-Ате, поскольку лицедейство тоже меня привлекало, я решил, когда в 61-м году был запущен в космос Гагарин, что физика, космос — это тоже мое. Поехал и поступил в Московский физико-технический институт. Так что я физик по первой своей профессии.

— Вадим Юсупович, какой же вы все-таки в жизни?

— Смотря что назвать жизнью. Для меня, например, она делится на фильмы и на жизнь без фильмов. Когда ты делаешь картину, ты принадлежишь картине. У меня случилось так, что я отдаюсь работе целиком, и поэтому вся остальная жизнь в это время зависит от того, как идут дела на съемочной площадке. Я компании люблю. Люблю застолья. Мы живем в тяжелое время, в очень ответственный период, я бы сказал — решающий. Поэтому для искрящейся весенней радости сегодня нет причин. Хотя с годами понимаешь все больше вещи простые, что здоровье родных и близких, налаженная жизнь — это и есть то счастье, к которому надо стремиться.

— А какие женщины вам нравятся?

— Все! Я вообще женщин люблю. Чем больше живешь, тем больше понимаешь, что жизнь продолжается благодаря им. Не только потому, что они буквально ее рожают, а еще потому, что мужчины позволяют себе заниматься своими увлечениями, любимой работой. Каждый находит себе игрушку. Женщина эту жизнь тянет. Когда я смотрю на женщин, я думаю, что, пока они тянут и терпят, жизнь продолжается. Если будет женщине немоту, тогда конец. Мужчины менее мужественны, чем женщины. Женщины мужественны и при этом еще и женственны. Как бы им ни сложно было жить, они тащат по жизни своих детей и идут в ногу с человеком, который рядом, и при этом остаются обаятельными, любящими и женственными. Думаю, и об этом речь в нашем фильме.

Беседу вела
Наталья ЮНГВАЛЬД-ХИЛЬКЕВИЧ